

Конец света

В пятницу вечером, дождавшись маму с работы, все вместе поехали в сад.

Весь день, с утра и до вечера, Надя с Ритой с удивлением наблюдали, как бабушка собирает в дорогу баулы, набивая хозяйственные сумки консервными банками, спичками, лекарствами из аптечки, пакетами с крупами, мукой, сахаром и солью. Несмотря на жаркий июль и больную спину, она распотрошила антресоли и

сложила в багажник куртки, туго скрученные в рулоны, зимние боты, шапки, шарфы и рукавицы всей семьи. Все это она делала с определенным умыслом: на даче было нужно не только полить огород и работать на нем, сколько хватит сил, но и переждать конец света, назначенный на завтрашнюю ночь телевизором и статьей из аляпистой газеты. Даже в Библии, которую бабушка, недавняя яростная атеистка, взяла почитать у соседки, тоже было написано что-то похожее.

Наверное, вы подумали, что бабушка сошла с ума, сбрендила, съехала с катушек. Что вы, все совсем не так! Это была обычная предусмотрительность хорошей хозяйки: спрятаться и своими силами, не надеясь на государство, пережить конец света. Все равно что достать дефицитные продукты к празднику, перелицевать старое платье, починить шубу, порезанную в школьной раздевалке, забить летними заготовками два холодильника и кладовку, и нечего их открывать по осени, это на Новый год.

Всю дорогу бабушка, погруженная в свои мысли, молчала и крепко держала в руках банку с чайным грибом Гошей, питомцем, обреченным встретить последний день земной жизни со всей своей семьей.

Третью неделю стояла унылая тягучая жара, и даже купаться уже не хотелось. Надя с Ритой каждое утро ездили на городской пляж. Там они долго ходили по берегу, пытались найти место посвободнее, расстилали старое одеяло на гальке, поближе к тени кустов, и красиво скучали. Поделив наушники, они слушали музыку, пока в плеере не садилась батарейка, листали журналы, смотрели, как мужики играют в пляжный волейбол, слегка пугаясь стремительного мяча. Конечно, и купались. Рита плавала, шлепая ладонями по воде и задрав голову так, чтобы не замочить волосы, потом шла мимо мужиков к одеялу странной вихляющей походкой. Надя не умела плавать и просто болталась в воде, ни о чем не думая; по ногам скользили водоросли, пахло болотом; однажды ее ужалил в шею слепень. Солнце обжигало кожу немилосердно, по вечерам приходилось мазаться кефиром или сметаной.

Рядом с фазендой не было речки, да и лес был далеко на горизонте. Со всех сторон фазенду окружали чужие участки: косые заборы и редкие постройки, такие же хлипкие, как

и летний домик, не знавший мужской руки, с трудом выносящий традиционную женскую семью. В нем не то что конец света переждать, в нем даже зимовать было нельзя, а когда доводилось ночевать на даче в плохую погоду, Наде казалось, что домик не выдержит порывов ветра и разлетится на дощечки. Дом пропах сыростью, обои отходили от стен, крыша протекала, и если хлестал ливень, то кровать приходилось отодвигать от стены, чтобы не спать в луже.

С каждым новым летом домик становился все более приземистым и косорылым. Земля, однако, поддавалась бабушкиным усилиям, плодоносила, и каждый новый урожай оказывался богаче предыдущего. Ежегодно большую часть урожая уносили вору, и бабушка, обнаружив кражу, горько плакала от обиды и грозилась расставить волчьи капканы. Сосед Федор Иванович однажды выстрелил в воришку из ружья, желая его погубить, и теперь отбыл срок за непредумышленное убийство тринадцатилетнего Димки Власова.

В этом году бабушка отказалась выращивать цветы: все, что можно, было засажено полезными растениями. Потом они должны были превратиться в запасы вкусной и здоровой пищи благодаря бабушке, которая все лето горбатится, наживает грыжу и гнет свою большую спину ради неблагодарных родственников.

Настала скучная семейная суббота.

Девочки достигли того возраста, когда дача не радует. Обе они предпочли бы остаться на выходные в городе, вечером выйти на набережную в красивых сарафанах, с маленькими сумочками, распустив волосы, и медленно дефилировать из одного конца в другой под руку каждая со своей любимой подружкой, рассматривая мальчиков, и вообще находиться в гуще жизни, а не в дачной ссылке. На даче даже не было телевизора, и постоянно случалось так, что все во дворе видели какое-нибудь клевое кино, а Надя и Рита все выходные проторчали вдали от цивилизации.

Как обычно, Рита надолго ушла в ларек за хлебом, а на самом деле к автобусной остановке, где собирался весь местный молодежь старше четырнадцати. Обе девочки в местной иерархии считались малолетками, но красивую Риту не прогоняли, и при первой же возможности она бежала туда, будто радостный щенок. Однажды ее даже покатали на мопеде, и Рита была счастлива, хотя с непривычки обожгла ноги.

Надя торчала на участке и, как младшая дочь в сказках, покорно исполняла бабушкины поручения, неизменно получая втык – лентяйка, неумеха, замуж никто не возьмет, кому ты такая нужна, лучше не делать ничего, чем делать плохо. Ничего не делать, к сожалению было нельзя.

В доме мама мыла полы под группу «Любэ». Мыла, по мнению бабушки, филоня, то есть ползая на коленках: понятно, почему снова не вышла замуж. «Любэ» Надя терпеть не могла, и на то была причина. Шесть лет назад мама сказала, что ей нравится Расторгуев. Надя написала ему письмо, в котором предложила приехать познакомиться с мамой и на ней жениться, и вложила мамину фотографию, вырезанную из паспорта. Горе Надино было двойным: во-первых, ей крепко прилетело из-за паспорта, во-вторых, Расторгуев не приехал и ничего не написал в ответ. Хотя наверняка получил письмо, Надя же ясно написала на конверте: «В Москву, Николаю Расторгуеву». Повзрослев, она все поняла, история превратилась в смешную, однако неприязнь к группе «Любэ» никуда не делась.

Вся семья никак не могла отойти от последней ссоры. Бабушка, мама и Рита старались друг с другом не разговаривать. Ругались молча. Все началось, когда Рита с подружкой решили немного заработать. С утра вместо школы они у подружки дома напекли два противня пирожков с яйцом и луком, косых, кривых и слегка подгоревших, и отнесли продавать на ближайший рынок. Торговля, как ни удивительно, шла бойко, и к тому моменту, когда на рынке нехоти появилась бабушка, удалось распродать почти всех уродцев. Унижение Ри-

тино было велико: прилюдно досталось и по шее, и крепким словом. Мама не одобрила прогул, но в остальном защищала Риту и, как решила бабушка, перешла на сторону зла – торгашей и поганых спекулянтов. Таких же, как Ритин папаша. Благодаря ему всю страну разворовали. Видимо, без его участия разворовали бы не до конца. Совсем совесть потерял: в двух семьях детей настрогал, бывшей жене – Надиной маме – подарил машину и отправил учиться на права, а она водит, как слепая курица, лево от право отличить не может, кое-как выучила дорогу от дома до дачи, скоро всех угробит. И так далее, и тому подобное.

В семейной истории похожая ссора однажды превратилась в холодную войну: когда мама проговорилась, что на самом деле она проголосовала за Ельцина, бабушка несколько месяцев с ней не разговаривала. Они жили тогда в одном подъезде, но еще в разных квартирах, и при встречах на лестнице или в лифте бабушка демонстративно отворачивалась от любой, будь то Надя, Рита или их мама. Она втягивала голову в плечи и становилась похожей в своем плаще на потрепанную ворону. Надя снова боялась ее, как в дошкольном детстве, когда страшили бабушкин строгий взгляд, нарисованные дугой брови, золотой зуб, украдкой мелькающий в глубине улыбки и особенно пальто – потому что ради воротника убили рыженькую лисичку.

Еще была страшная взрослая история про ваучер, в которой девочки мало что поняли. И еще более страшная история – как Надя наотрез отказалась вступать в пионеры: в день, когда бабушка об этом узнала, ей вызывали «скорую». «Но ведь у нас в классе все сказали, что не хотят!» – плакала Надя. «А если все решат с крыши прыгнуть, ты тоже пойдешь?» Из-за подобных историй мама просила Риту и Надю ни за что не говорить бабушке о том, что прошлым летом они все трое крестились в церкви.

Солнце не двигалось, словно стрелки поломанных часов. Жарило изрядно, пахло горячей пылью, все тело казалось резиновым. Надя бродила по участку, делала, что поручали, переделывала, если снова ругали, носила туда и обратно «скажи ей» и чувствовала, будто оказалась в каком-то совершенно чужом семействе. Когда становилось невмоготу, Надя пряталась ото всех в летнем душе, вставала под хилую едва теплую струю, выключала ее, едва сполоснувшись – чтобы не привлекать внимание шумом воды, и просто стояла с закрытыми глазами, ощущая, как сползают по телу капли. Вначале она представляла себе, что ее семья на самом деле не ее, а потом – что у нее есть мальчик Алеша, сероглазый блондин с челкой набок, Надин собственный мальчик, ласковый и умный, и вот они сидят рядышком на безлюдном пляже и смотрят, как садится солнце, и обнимаются под одним на двоих полотенцем. Надя целовала себя в плечо, влажное и обгоревшее в летнем зное и повторяла шепотом сама себе: «Девочка моя хорошая. Солнышко мое родное. Моя самая любимая девочка на свете». Мокрые волосы падали на лицо, сквозь щели сквозило солнце и чужие напряженные разговоры, все эти «Ты, наверное, даже не заплачешь, когда я умру!» и «Ну ты-то тут, конечно, самая умная, а мать твоя дура душой, мать ничего не понимает».

Если верить семейным байкам, то бабушка не всегда обходилась только словами: когда мама созналась в своей первой беременности – позор-то какой – от женатого мужчины, бабушка отлупила ее по хребтине дипломатом, в котором носила на работу проверенные тетрадки.

Вечером бабушка заставила Риту мыть посуду, скопившуюся за день, та мыла, и ныла, и мыла, и ныла, жалуясь на холодную воду, жирные тарелки и свою тяжелую судьбу. Бабушка надзирала за ней с табуретки, на которой сидела, широко расставив ноги, как мужики в автобусе, и ее взгляд не предвещал ничего хорошего.

У всех болела спина, руки были исколоты сорняками, обожжены крапивой, в ладонях сидели занозы, маникюр был непоправимо испорчен, и почему-то все это называлось «хорошо отдохнули». Рита к тому же впервые в жизни выпила абрикосовый коктейль в жестяной банке и теперь старалась скрыть, что ее тошнит.

В доме было две комнаты и кухня, разделенные фанерными стенками, изрисованными фломастерами и усыпанными наклейками – вкладышами от жвачки. Надя с Ритой спали в той комнате, что поменьше, на широком раскладном диване, который однажды заклинило, и его никто не сумел сложить.

Когда-то перед сном они любили вместе бояться. Точнее, Надя – бояться, а Рита – пугать. Была у Нади такая особенная ночная радость: слушать Ритин голос, сжимаясь под одеялом: чудилось, что только высунешься наружу, как из комнатного полумрака зыркнет на нее незнакомое нечеловечье лицо. Рита рассказывала всякие занимательные истории. Были у нее в запасе и популярные страшилки – про гроб на колесиках или красную руку, и другие рассказы, то ли вычитанные, то ли придуманные: про маньяка, который нападает на людей в подъездах, если там выкручены лампочки, про бабушку, нашедшую в лесу тело инопланетянина, про самого настоящего людоеда из Новокузнецка, про известный в городе ночной клуб – что там включают специальные лампы, в свете которых все посетители выглядят голыми, и тогда их фотографируют и продают на открытках. Рита рассказывала увлеченно, с подробностями, которые не давали усомниться в том, что все это было на самом деле.

Однажды Рита притащила вырезку из дурацкой газеты о СПИДе и его симптомах, и девочки искали у себя эти признаки, измеряли температуру и пытались найти у себя лимфоузлы, чтобы прощупать, не увеличены ли они. В другой раз Рита, первоклассница, серьезно сказала, что если к власти вернуться коммунисты, то маму расстреляют – так говорила в ее классе учительница – и обе тайком плакали от страха несколько ночей.

Сегодня Рита дрыхла у стенки, разметавшись по дивану и сложив на Надю невымытые ноги. От нее густо пахло кокосовым дезодорантом. Наде хотелось поговорить с ней о чем угодно, и она окликнула: «Ритуза!», но та не отзывалась. Рита не проснулась и когда затрещало небо – а звук был такой, словно небосвод раскололся на две половины аккурат над самым домом, и когда сплошной завесой хлынул ливень.

Дождь лил взахлеб, прямо-таки с удовольствием, и Надя, сама того не замечая, погрузилась в водяной сон, где они с Ритой плыли то ли на лодке, то ли на плоту по серому озеру. Надя слышала сквозь сон, как вода стекает с подоконника на пол, как взрослые гремят в соседней комнате тазами и кастрюлями, расставляя их под прорезами в крыше. Потом все затихло, но через некоторое время – все еще во сне или уже нет – натужно зашипел, разогреваясь, чайник.

Наде захотелось пить. Она, сонная, вышла на кухню в трусах и майке и шлепнулась на колченогий стул. Мама спала, а бабушка сидела за кухонным столом одна, над чашкой с отколотой ручкой, широко расставив ноги и сжимая ладонями виски, и не сразу заметила Надю.

Подтянув ногу к груди, Надя почесала комариные укусы и плеснула себе в чашку заварки со смородиновыми листьями.

– Спать мне не хочется что-то, - сказала она.

Бабушка кивнула.

О чем говорили потом? Надя не запомнила. О погоде ли, о школе, о том, что Надя видела на заборе бурундука, о соседских детях, о планах на завтрашний день – с пятого на десятое? О чем-то другом, повседневном, сразу же стертом из памяти за неважностью? Надя грызла вафли своим излюбленным способом: снимая слой за слоем. Разглядывала выцветшую клеенку в ромашках и проплешинах, чайный гриб Гошу в банке. Из всех сил Надя старалась не смотреть на старую женщину, сидящую напротив, и не могла просто уйти спать. Хотя, кажется, даже мешала ее одиночеству. Но все равно не уходила.

Иногда, разобидевшись, Надя мстительно думала о ней – «старуха», хоть та, несмотря

на свои шестьдесят, была крепкой и сильной, не похожей на бабушек-соседей, которые с трудом ходили дальше скамейки у крыльца. Но впервые Надя увидела ее не просто усталой или приболевшей, а именно старой. Бабушкино лицо, подпертое ладонями, было похоже на курагу, сквозь непрокрашенные корни волос проглядывала розовая кожа, тонкие брови, изведенные в юности, выцвели, и это было до того невыносимо и не по-человечески, что хотелось зажмуриться до боли в висках.

И еще одна детская эгоистичная мысль не отпускала Надю: я не хочу, не хочу, не хочу быть старой, пожалуйста, только не старой, только не я.

Утро воскресенья было свежим и прозрачным. Девочки встали поздно – в десятом часу. Рита вышла босиком и по пути к дощатой будке завизжала: ей показалось, что на ногу приземлилась в прыжке лягушка.

Пахло влажной землей, смородиной и клопами. В малиннике солидно гудели пчелы. О конце света никто не вспоминал.

Бабушка молча занималась обычными делами, никого не припрягая и не ругая. Пока она перемывала за Ритой посуду и перебирала тряпки из комода – старую одежду, постельное белье, полотенца, покрывала, Надя с Ритой доели вафли и вместе с мамой немного поиграли в бадминтон, прыгая по мокрой траве, то и дело вытаскивая из кустов малины упущенный волан.

К обеду уехали в город.

В те дни все они еще были живы.

